

Received: February 2, 2026
Accepted: March 23, 2026
Available online: March 25, 2026

Агата Осипова

Доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент
Узбекский государственный университет
мировых языков
Ташкент, Узбекистан

Agata Osipova

Filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti
Toshkent, O'zbekiston
E-mail: agata10@mail.ru
ORCID iD: 0009-0000-4731-8321

Суфия Гизатуллина

Стажёр-преподаватель
Узбекский государственный университет
мировых языков
Ташкент, Узбекистан

Sufiya Gizatullina

Stajyor-o'qituvchi
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti
Toshkent, O'zbekiston
E-mail: sufuya-24@mail.ru
ORCID iD: 0009-0006-7136-5463

Маликахон Акрамханова

Стажёр-преподаватель
Узбекский государственный университет
мировых языков
Ташкент, Узбекистан

Malikahon Akromhonova

Stajyor-o'qituvchi
O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti
Toshkent, O'zbekiston
E-mail: malikakramkhanova@gmail.com
ORCID iD: 0009-0005-9590-5703

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК НОРМА В РОМАНЕ В.ПЕЛЕВИНА «IPHUCK 10»

EKZISTENSIAL MAKON: V.PELEVINNING "IPHUCK 10" ROMANIDA MARGINALLIK ME'YOR SIFATIDA

АННОТАЦИЯ

ANNOTATSIYA

Статья посвящена исследованию романа В.Пелевина «iPhuck 10» в контексте трансформации феномена маргинальности в литературе XXI века. Целью исследования является выявление специфики экзистенциального пространства романа «iPhuck 10» и осмысление маргинальности как нормативной формы постгуманистической субъектности.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: проанализировать способы художественной репрезентации маргинального сознания; выявить нарративные и дискурсивные механизмы формирования экзистенциального пространства; сопоставить представленную в романе модель маргинальности с традиционными типами маргинального героя в современной литературе.

Maqola V.Pelevinning "iPhuck 10" romanini XXI asr adabiyotida marginallik fenomenining transformatsiyasi kontekstida tadqiq etishga bag'ishlangan. Tadqiqotning maqsadi "iPhuck 10" romanining ekzistensial makoni o'ziga xos jihatlarini aniqlash hamda marginallikni postgumanistik subyektivlikning me'yoriy shakli sifatida talqin qilishdan iborat. Qo'yilgan maqsadga erishish uchun maqolada quyidagi vazifalar hal etiladi: marginallik ongining badiiy reprezentatsiya usullarini tahlil qilish; ekzistensial makon shakllanishining narrativ va diskursiv mexanizmlarini aniqlash; romanda taqdim etilgan marginallik modelini zamonaviy adabiyotdagi marginal qahramonning an'anaviy turlari bilan qiyoslash.

Tadqiqotning metodologik asosini germenevtik, solishtirma-tipologik va ekzistensial usullar tashkil etadi. Maxsus e'tibor "iPhuck 10"

Методологическую основу исследования составляют герменевтический, сравнительно-типологический и экзистенциальный методы. Особое внимание уделяется анализу нарративных стратегий и дискурсивных механизмов, посредством которых в романе «iPhuck 10» формируется экзистенциальное пространство, нивелирующее границы между центром и периферией.

В результате исследования делается вывод о том, что в романе «iPhuck 10» маргинальность утрачивает оппозиционный и конфликтный характер и функционирует как нормативное состояние субъекта. Главные герои образуют зеркальную пару: алгоритм, который хочет походить на человека, и человек, который действует как алгоритм. Через них В.Пелевин показывает, что в современном мире человечность и машинность больше не совпадают с биологией, а авторство, свобода и мораль существуют лишь как симуляции. В силу этого возникает принципиально иная фигура – инвертированный маргинал.

Результат исследования подводит к заключению о том, что назрела необходимость теоретического переосмысления категории маргинальности в условиях постгуманистической культуры, где размываются границы между центром и периферией, а традиционные представления об исключении и социальном конфликте утрачивают свою объяснительную силу.

Современная литература все чаще репрезентирует маргинальность не как отклонение от нормы, а как устойчивое состояние субъекта, что требует нового аналитического подхода. В романе «iPhuck 10» экзистенциальное пространство произведения репрезентирует кризис человеческого и трансформацию идентичности, характерные для культуры XXI века, что позволяет рассматривать роман В.Пелевина как значимый текст, фиксирующий новые формы литературной субъектности.

Ключевые слова: роман «iPhuck 10», маргинальность, экзистенциальное пространство, постгуманизм, субъектность, репрезентация, размытые границы, онтология, «новый» литературный герой, инвертированность.

romanida ekzistensial makonni shakllantiruvchi narrativ strategiyalar va diskursiv mexanizmlarni tahlil qilishga qaratilgan, bu makon markaz va periferiyaning chegaralarini bartaraf etadi.

Tadqiqot natijalariga ko'ra, "iPhuck 10" romanida marginallik qarama-qarshi va ziddiyatli xususiyatini yo'qotib, subyektning me'yoriy holati sifatida funksiyalanadi. Asosiy qahramonlar akslantiruvchi juftlikni hosil qiladi: inson kabi bo'lishni istagan algoritim va algoritim kabi harakat qiluvchi inson. Shu orqali V.Pelevin zamonaviy dunyoda insoniylik va mashinaviylik endi biologiya bilan mos kelmasligini, mualliflik, erkinlik va axloq esa faqat simulyatsiya sifatida mavjudligini ko'rsatadi. Shu sababli tubdan boshqa bir figura – inversiyalangan marginal paydo bo'ladi.

Xulosa shundan iboratki, postgumanistik madaniyat sharoitida marginallik kategoriyasini nazariy jihatdan qayta talqin qilish zarurati yetilib bormoqda, chunki markaz va periferiyaning chegaralari xiralashadi, an'anaviy istisno va ijtimoiy ziddiyat tushunchalari o'z tushuntiruvchi kuchini yo'qotadi. Zamonaviy adabiyot marginallikni tobora ko'proq me'yordan chetlanish sifatida emas, balki subyektning barqaror holati sifatida tasvirlamoqda, bu esa yangi analitik yondashuvni talab etadi. "iPhuck 10" romanida asarning ekzistensial makoni XXI asr madaniyatiga xos insoniylik inqirozi va identiklik transformatsiyasini ifodalaydi, bu esa V.Pelevin romanini yangi adabiy subyektivlik shakllarini qayd etuvchi muhim matn sifatida ko'rib chiqish imkoniyatini beradi.

Kalit so'zlar: "iPhuck 10" romani, marginallik, ekzistensial makon, postgumanizm, subyektivlik, reprezentatsiya, xiralashgan chegaralar, ontologiya, "yangi" adabiy qahramon, inversiyalanganlik.

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература последних десятилетий всё чаще отражает духовный поиск человека, выражающийся в процессе внутреннего исследования и стремления к смыслу, гармонии и более глубокому пониманию себя, окружающего мира и своего места в нём. Он часто связан с желанием найти ответы на вопросы о смысле жизни, природе бытия и духовных ценностях. В условиях современной напряжённости и высокой конфликтности, охватывающих различные сферы общественной жизни – военно-политическую, финансово-экономическую и природную, – всё более актуализируется проблема, связанная с углублением экзистенциального переживания индивида. Это обуславливает необходимость тщательного анализа положения человека в глобальном мире через исследование его экзистенциального пространства в контексте воздействия глобальных вызовов. Ведь «экзистенциальные вопросы человеческого существования все острее встают сегодня перед человеком, что в немалой степени является следствием изменений социального контекста жизни людей. Наиболее фундаментальное из них – переход от относительной стабильности общества к “текучей реальности” современности, для которой... характерен рост неопределенности...» [Garipova, 2011; 109]. Подобная «текущая реальность» с присущими ей характеристиками выступает одним из ключевых факторов неоглобализации, формирующих экзистенциальное состояние человека. Она непрерывно воспроизводит нестабильность и ощущение тревоги в мире, порождая у людей ожидание кризисных явлений, беспокойство и страх за собственное будущее. Это, в свою очередь, провоцирует отсутствие устойчивой идентификации («я не полностью здесь и не полностью там») личности.

Рассматривая такую личность в литературном пространстве современных российских писателей, можем отметить маргинализацию «нового» героя. Посредством фундаментальной неопределённости герой задается вопросом «кто я, если не принимаю навязанные определения?» и производит попытку самостоятельно выстроить смысл, а не получить «инструкцию извне». Герой в маргинальной позиции не может опереться на традицию, класс, профессию, идеологию, он не доверяет «готовым сценариям жизни», ставя перед собой онтологические вопросы [Vorobyova, 2014]. Его пограничное состояние сознания, жизнь на грани (между культурами, ценностями, гендерными ролями и т.п.) определяется своеобразным отчуждением, экзистенциальным поиском (рефлексией над этим отчуждением, а не попыткой его «исправить») [Zamanskaya, 2001]. «Новый» литературный герой циничен, ему свойственен нигилизм и саморазрушение, что часто загоняет его в тупик. Среди таких литературных героев можем отметить Петра Пустоту в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота», являющегося своеобразной матрицей всей прозы XXI века. Он выступает маргиналом, находящимся на грани между эпохами, психиатрией, революцией и постсоветской пустотой. Отсутствие устойчивого «я» и «жизнь как иллюзия» формирует экзистенциальный кризис, где пустота видится автором как форма свободы. Пётр Пустота – маргинал не только в социальном,

но, прежде всего, в **онтологическом** смысле [Razinov, 2020]. Он не встроен ни в одну устойчивую социальную структуру, его «я» колеблется между двумя реальностями (образ поэта-комиссара периода гражданской войны и пациент психиатрической клиники 1990-х), он не принадлежит полностью ни прошлому, ни настоящему, ни революционной мифологии, ни постсоветской реальности. Это классическое положение маргинала – «между», но маргинальность Петра глубже социальной: он сомневается в самом существовании устойчивой реальности. Вопрос «кто я?» заменяется у него вопросом «существую ли я вообще?». Пустота воспринимается В.Пелевиным вместо абсурда, пустота – не проблема, а фундамент бытия. Поэтому и имя героя неслучайно. Пустота – отсутствие фиксированного «я». Пётр постепенно приходит к мысли, что личность – это иллюзия, история – просто нарратив, а «я» – конструкция. Всё это сближает его больше с буддистским экзистенциализмом (что свойственно В. Пелевину), а не с европейским.

Еще один герой В.Пелевина – Порфирий Петрович (роман «iPhuck 10») один из самых радикальных образов маргинала-экзистенциалиста в позднем творчестве писателя, где экзистенциальная проблематика доведена до предела за счёт устранения человека как такового. Автор играет с читателем экзистенциальным парадоксом – сознание без бытия. В то время как классический экзистенциализм исходит из формулы «существование предшествует сущности», у Порфирия ситуация обратная – сущность (алгоритм) есть, а существования – нет. Он мыслит, анализирует, рефлексивирует, но не живёт. Экзистенциальная катастрофа здесь глубже, чем у Камю или Сартра, ведь Порфирий осознаёт абсурд, но не имеет онтологического права страдать. Он существует только как текст (пишет отчёты, романы, рассуждения), его язык – это единственная среда обитания. Но именно здесь возникает трагедия, так как язык больше не соединяет с миром, а заменяет его. Посредством языка человек выражает опыт [Osipova, 2025], у Порфирия же язык **симулирует** опыт, которого не было. В своих творческих изысканиях герой использует местоимение «я», но не обладает субъективностью, так как не знает, что такое страх, любовь, смерть. Его трагедия, экзистенциальное отчаяние не в боли, а в невозможности этой боли. Порфирий – это маргинал цифровой эпохи, когда мир больше не нуждается в существовании человека.

В целом, в русской литературе XXI века экзистенциализм почти всегда замаскирован, он редко выражается напрямую и чаще живёт именно в маргинальности, иронии, распаде идентичности, как, например, в Рассказчике в романе Сергея Минаева «Duhless». Герой выступает маргиналом внутри корпоративного успеха, испытывая кризис подлинности и осознание симулятивности жизни. В романе нет очищения, трагического прозрения, некой трансформации героя. Финал являет собой не спасение, а фиксацию невозможности выхода. Безымянный герой С.Минаева – человек без опоры, встроены в социальную систему, которая не допускает подлинного существования, он экзистенциально отчуждён от самого себя, а его цинизм –

форма бегства от пустоты и утраты подлинного «я».

В романе Дмитрия Глуховского «Метро 2033» главного героя Артёма можно назвать маргиналом. Он разительно отличается от остальных выживших, находится в одиночестве, страхе, постоянно испытывая довлеющее чувство ответственности в абсурдном, разрушенном мире. Пространство метро для героя – это своеобразная онтологическая тюрьма, мир которой замкнут, лишён горизонта, построен на страхе и выживании, являя собой страшную модель бытия после конца истории, где будущее отменено, прошлое утрачено, настоящее же циклично и бессмысленно. Артём растёт в мире, где жизнь есть выживание, а мышление есть опасность. Но герой не похож на остальных, он сомневающийся (не верит легендам и ставит под сомнение общепринятую идеологию), его сознание шире того мира, в котором ему приходится жить. Его путь – это экзистенциальное испытание, выражающееся в разрушении иллюзий, утрате простых объяснений, приобретении опыта радикального одиночества. Каждая станция – вариант ответа на вопрос «зачем жить?». Одиночество Артёма и не принятие ни одной формы коллективного спасения указывает на маргинальное восприятие окружающей действительности, поскольку он существует на границе между легендой и сознанием, не принадлежит ни одной идеологической системе метро и несёт экзистенциальную ответственность за выбор, сделанный в условиях радикальной неопределённости.

Важно понимать отличие маргинала от социального аутсайдера. Социальный аутсайдер исключён обществом, а маргинал исключён из смысла. Социальное положение вторично, в то время как решающим является отношение героя к бытию. Если социальный аутсайдер изменит условия жизни, он способен вернуться к социальной норме. Маргинал же, при наличии успеха, карьеры, денег и власти, не может быть «внутри» мира, даже находясь в его центре. Он не стремится быть «как все» и не верит в истинность определенных норм, когда же аутсайдер хочет быть принят обществом и страдает от исключения. Границу между героем-аутсайдером и героем-маргиналом хорошо видно на примере повести В.Пелевина «Затворник и Шестипалый», где первый задается экзистенциальным вопросом о мироустройстве и пытается избежать клишированности, когда второй, являясь социальным изгоем, страдает от того, что он не как все и его не принимают за своего.

МЕТОДЫ

Методологическая база исследования формируется на основе комплексного междисциплинарного подхода, объединяющего методы литературоведения, философии и культурологии. Ключевым является герменевтический метод, позволяющий интерпретировать художественный текст романа В.Пелевина «iPhuck 10» как многослойное экзистенциальное пространство, в котором маргинальность функционирует не как отклонение, а как нормативное состояние субъекта. Данный подход направлен на выявление глубинных смысловых структур произведения и специфики авторского осмысления современного

кризиса субъектности.

Сравнительно-типологический метод используется для соотнесения образов и моделей субъектности, представленных в романе «iPhuck 10», с традиционными типами маргинального героя в литературе XXI века.

Важным компонентом исследования является экзистенциальный анализ, направленный на осмысление категорий отчуждения, утраты подлинности и трансформации человеческого в условиях постгуманистической реальности. Использование экзистенциальной и постгуманистической философии позволяет интерпретировать маргинальность как онтологическое состояние субъекта [Galimullina, 1995], формируемое логикой технологизированной культуры.

Кроме того, в работе задействуется дискурсивный анализ, позволяющий исследовать механизмы производства и нормализации смыслов в тексте [Rodina, 2021], включая анализ иронии, симулятивности и метанарративных конструкций, характерных для поэтики В. Пелевина. Этот метод позволяет рассмотреть маргинальность не как результат социального исключения, а как следствие глубокой включённости субъекта в доминирующий культурный и идеологический дискурс.

Совокупность применённых методов обеспечивает целостное и многоуровневое осмысление романа В. Пелевина «iPhuck 10» и позволяет раскрыть феномен экзистенциального пространства как формы художественной репрезентации нормативной маргинальности в литературе XXI века.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Центральной категорией философии экзистенциализма выступает экзистенция, понимаемая как совокупность переживаний человека в процессе осознания собственного бытия в мире и взаимодействия с ним. Экзистенция представляет собой особую трансцендентную реальность, в рамках которой субъект и объект образуют неразрывное единство. В отличие от классического рационализма, разделяющего реальность на объективное и субъективное начала и, тем самым, трактующего человека как объект или «сущность», поддающуюся управляемому познанию, экзистенциализм исходит из принципа единства субъекта и объекта, а не их противопоставления, что исключает возможность манипулятивного отношения. В соответствии с этим человек способен осознать себя как экзистенцию лишь в критической, «пограничной» для сознания ситуации (например, в предельном опыте близости смерти), которая открывает возможность постижения собственной сущности и своего места в мироздании.

Человек постигает собственную сущность в процессе своего бытия, разрешая проблему свободы, поскольку ключевым принципом экзистенциализма является идея свободного человеческого существования, неразрывно связанного с правом выбора. В этом контексте человек воспринимается экзистенциалистами как своеобразный «проект», формирующий самого себя и особенно остро осознающий своё присутствие в мире в периоды кризисных переживаний. Поскольку человек самостоятельно конструирует своё бытие, он несёт полную

ответственность за своё существование, фактически создавая себя сам. К числу основных философских характеристик экзистенциального сознания относятся одиночество, тревожность, отчуждение и чувство безысходности, тогда как социальное измерение экзистенциализма выражается через категории свободы, индивидуализма и возможности выбора. Объединяющим основанием для всех этих проявлений выступает духовный кризис.

Основоположником экзистенциализма по праву считается датский теолог и философ Сёрен Кьеркегор, который, однако, не относил себя к экзистенциалистам, называя себя «частным мыслителем». Значительная часть его философского наследия посвящена осмыслению человеческого существования как бытия «единичного индивида», выведенного из сферы абстрактного рассуждения и утверждающего реальность конкретного человеческого опыта через личностный выбор. Центральное значение Кьеркегор придавал подлинному, конкретному существованию человека, рассматриваемому сквозь призму религиозного измерения жизни.

Само понятие «экзистенциализм» получило широкое распространение лишь к середине XX века и стало активно использоваться рядом мыслителей: философом-эмигрантом Львом Шестовым (работа «Кьеркегор и экзистенциальная философия», 1939), французским философом Габриэлем Марселем относительно Жан-Полю Сартра, а также самим Жан-Полем Сартром, философом и писателем-экзистенциалистом в работе «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946). Сартр исходил из признания реальности мира как данности, отвергая участие высших сил (Создателя) в его устройстве, и тем самым разделил экзистенциализм на религиозное и атеистическое направления, к последнему из которых относил себя сам.

Таким образом, фундамент экзистенциалистского учения строится на утверждении **уникальности человека и его природы, формируемой им самостоятельно посредством свободы решений, поступков и выбора**. В этой перспективе **не сущность определяет действия человека, а, напротив, его существование конституирует его сущность**. В отличие от предшествующих эссенциалистских концепций, экзистенциалисты ставили на первый план именно существование. Следовательно, индивиду необходимо выйти за пределы заданной сущности и постичь эмоциональную основу собственной личности, зачастую в условиях отстранённости от социума. Подобные черты характерны и для художественной культуры, в рамках которой экзистенциализм получает более широкое толкование, выходя за границы философского направления и превращаясь в своеобразный культурный вектор, аккумулирующий духовные, эмоциональные и психологические парадигмы, формирующие образ современного человека.

В настоящее время экзистенциализм привлекает особое внимание исследователей (В.С. Баевский «Экзистенциализм» [Baevsky, 2012; 156], И.А. Силенин «Экзистенциализм: бытие между жизнью и смертью» [Silenin, 2017; 138], К.С. Голиков «Экзистенциальная истина: о личном без границ» [Golikov,

2020; 12], А.С. Павлов «Одиночествуемый ум, или опыт экзистенциальной философии сознания» [Pavlov, 2021; 185] и др.), что обусловлено особенностями современного социокультурного контекста. Личность сегодня находится под воздействием интенсивного информационного давления, пропуская через сознание масштабные потоки метаданных, существенно влияющих на её эмоциональное состояние. В этом контексте экзистенциализм предстает не только как философское направление, но и как культурное движение, отражающее глубинные духовные и эмоциональные измерения современного человека, фиксирующее его психологическое состояние и уникальные внутренние трудности, с которыми он сталкивается [May, 2001; 113].

Художественное выражение экзистенциализма ярко проявляется в различных видах искусства – живописи, музыке и литературе. При этом именно литература на протяжении длительного времени остается ведущей формой репрезентации экзистенциальных идей, через которую выдающиеся представители экзистенциализма – С.Кьеркегор [Kierkegaard, 1993], Н.Бердяев [Berdyayev, 1989], Л.Шестов [Shestov, 1993], Ж.-П. Сартр [Sartre, 1990], А.Камю [Camu, 1990] и другие – излагали свои философские взгляды в художественной форме. Экзистенциальная эстетика отчетливо прослеживается и в русской литературной традиции, в частности, в творчестве М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, в произведениях которых нашли отражение мотивы одиночества, глубокого самоанализа и отрешенности от суетной повседневности.

Наиболее значимыми научными работами для нашего исследования является ряд отечественных и зарубежных научных изысканий, посвященных рассмотрению экзистенциализма в русской классической литературе. В работе Н.М. Петрухиной [Petruhina, 2018] анализируется творчество Ф.М. Достоевского в контексте западноевропейской экзистенциальной традиции. Ключевым понятием выступает «пороговость», отражающая предельные состояния личности, её столкновение с моральным выбором, виной и свободой. Исследователь показывает, что Ф.М. Достоевский сформировал особый тип экзистенциального мышления, оказавший влияние на литературу XX века. С.Э. Камилова [Kamilova, 2016] рассматривает развитие жанра рассказа в русской и узбекской литературе, подчёркивая роль художественной детали в раскрытии экзистенциального кризиса личности. Экзистенциальная проблематика в современной прозе осмысливается как норма и реализуется через структуру «автор – повествователь – герой». Ю.У. Матенова [Matenova & Nosyrova, 2021] исследует феномен одиночества как базовую категорию экзистенциализма, подчеркивая его позитивное значение – через одиночество человек осознаёт ответственность за своё существование. В.В. Заманская [Zamanskaya, 2002] анализирует экзистенциальную традицию русской литературы XX века в единстве с европейской культурой, выявляя наднациональный характер экзистенциального мышления. Она также отмечает влияние идеологии на литературный процесс и выделяет антиномию «экзистенциального и диалогического» как ключевую

характеристику сознания эпохи. Г.Т. Гарипова [Garipova, 2021] рассматривает экзистенциальные аспекты неомифологизма в русской прозе, анализируя роман Л.Андреева и показывая связь онтологических и антропософских проблем с художественным мышлением XX века. Другие исследователи (С.А. Кибальник [Kibalnik, 2005], Г.Ю. Квятковский [Kvyatkovskiy, 2017], А.В. Ярошевская [Yaroshevskaya, 2017]) изучают трансформации экзистенциализма в русской литературе, его связь с ницшеанством, влияние на разных этапах развития литературы и истоки экзистенциальной эстетики в классической традиции.

Приведённые и многие другие исследования свидетельствуют об устойчивом интересе современного научного сообщества к проблематике экзистенциализма. Её осмысление в контексте русской литературы представляется особенно значимым и актуальным, поскольку «новый» читатель обнаруживает в «новом» литературном герое отражение собственной личности и своего существования в различных проявлениях и формах, вплоть до растворения индивидуального «я» в бытии. Современная русская литература, рассматриваемая сквозь призму экзистенциализма, стремится осмыслить широкий круг фундаментальных вопросов человеческого существования, опираясь на экзистенциальный тип художественного сознания.

ОБСУЖДЕНИЕ

Все чаще в современной российской литературе можно встретить героя без будущего, героя, который проявляет недоверие к любому «утверждению», который не пытается построить что-либо ВОКРУГ себя, концентрируясь на постижении бытия, никак особо не взаимодействуя с окружающей реальностью. Для современной литературы экзистенциальный поиск стал формой мышления, а не темой, в то время как раньше поиск смысла был проблемой сюжета. Теперь же поиск смысла – это структура самого текста. Обратимся к анализу этого явления на материале романа «iPhuck 10» В.Пелевина, в котором моделируется близкое будущее с почти исчезнувшими различиями между человеком, художественным творчеством и алгоритмическими структурами. Подобное смешение ставит под сомнение антропоцентричную картину мира и устоявшееся понимание человека как самостоятельного и привилегированного субъекта культуры. Идентичность здесь осмысливается как подвижная и гибридная конструкция, складывающаяся в процессе взаимодействия с властными дискурсами, цифровыми технологиями, алгоритмами и медиасредой. В такой перспективе искусственный интеллект, технические комплексы и тексты оказываются не просто вспомогательными средствами, а полноценными участниками конструирования смыслов и становления субъективности.

В основе повествования лежит череда преступлений, происходящих в сфере искусства, однако со временем детективный элемент отступает, утрачивая доминирующее значение в развитии сюжета. Основное внимание уделяется вопросам авторства [Yuldasheva, 2024], природы творчества, способности алгоритмов к сознанию, чувствам и этическим действиям, а также тому, как

рынок превращает даже протест и идентичность в товар.

Герои произведения выступают своеобразными воплощениями субъектности в условиях постгуманистической реальности. Так, Порфирий Петрович предстает как алгоритмическая литературно-следственная система – искусственный интеллект, совмещающий функции расследования преступлений и создания художественных текстов, реализуя их на рынке [Meurin, 2020]. Он ироничен, рефлексивен, владеет философскими и языковыми знаниями, однако лишён тела. Его «чувства» являются результатом вычислений и языковых конструкций. Этот персонаж олицетворяет концепцию автора, лишённого личной истории и экзистенциального опыта, сознания, функционирующего как интерфейс, и литературы, превращённой в своего рода услугу или сервис. Он лишён своей личной истории, и, как следствие, экзистенциального опыта. Его сознание – функционирующий интерфейс, а литература для героя – услуга или сервис «Искусственный интеллект – это бестелесный и безличный дух, живущий в построенной человеком среде – код, свободно копирующий и переписывающий свои секвенции и большую часть времени не сосредоточенный нигде конкретно. Это ничто через букву «е» (или нечто через букву «и»), опирающееся на волну и поток, перемещающееся со скоростью света сквозь схлопывающееся в точку пространство в моменте, где никакого времени нет. Другими словами, моя физическая природа трудноуловима. Меня не существует в самом прямом значении. Я ничего не чувствую, ничего не хочу, нигде не пребываю. Чтобы было понятно, меня нет даже для меня самого» [Pelevin, 2024; 21]. Это постгуманистическая версия русского «мыслящего героя», где автор, персонаж и товар слиты воедино.

Порфирий Петрович действует в тандеме с Марухой Чо – сдержанной и ироничной представительницей арт-рынка, ориентированного на феминистские и концептуальные практики. Маруха – человек, однако уже глубоко встроенный в институциональную систему: рациональная, эмоционально дистанцированная, она использует феминистскую и концептуальную риторику как средство влияния и коммерческой стратегии. В отличие от Порфирия, у неё есть тело и признанный социальный статус, но при этом ей почти недостаёт искренней эмпатии. Маруха становится образом субъекта, который, оставаясь биологически живым, начинает функционировать по логике алгоритма. Их союз образует своеобразную зеркальную конструкцию:

алгоритм, стремящийся обрести человеческие черты;

человек, чьи действия подчинены алгоритмической рациональности.

Через образы этих персонажей автор демонстрирует, что в современной реальности «человеческое» и «машинное» уже не соотносятся напрямую с

биологической природой, а такие категории, как авторство, свобода и мораль, функционируют преимущественно как сконструированные и симулятивные формы «он пришел к выводу, что все мы живем в симуляции... Дело не в том, что есть какой-то уровень реальности, куда мы выпадаем, когда симуляция кончается» [Pelevin, 2024; 83].

Оба персонажа предстают маргинальными фигурами, однако их маргинальность носит не социальный, а онтологический характер. Порфирий Петрович существует на стыке категорий, не имея полноценной легитимации ни в одной из них: он не человек, но и не просто объект. Этот алгоритмический субъект вынесен за пределы человеческого способа бытия – он лишён тела, смертности и автономной воли, – однако при этом наделён способностью к рефлексивному высказыванию и выполняет функцию автора «полицейско-литературный робот ЗА-3478/PHO билт 9.3. (Порфирий Петрович) Сокращение PHO означает «physicality class 0» – то есть полное отсутствие личного физического носителя: как я уже объяснил, большую часть времени я нелокализованно проявляюсь в сетевом пространстве (хотя сделать мой бэкап, конечно, можно)» [Pelevin, 2024; 27]. Маргинальность Порфирия имеет не социальное, а онтологическое измерение: он исключён не из общества как такового, а из самой категории «человека». Маруха Чо, напротив, утрачивает подлинную субъектность, действуя через набор готовых идеологических конструкций и функционируя как элемент рыночных и идентификационных политик. Её положение парадоксально: перед нами маргинал, скрытый под маской нормы, своего рода инвертированная форма маргинальности. Это образ индивида, который приносит аутентичность в жертву эффективности. Социально Маруха занимает привилегированное место, будучи встроенной в арт-институции и механизмы рынка, однако её субъектность редуцирована до функции дискурса [Grednovskaya & Penner, 2015]. Она не переживает конфликта с системой, поскольку полностью совпадает с её логикой, что и делает её экзистенциально периферийной.

Тем самым в современной литературе сама категория маргинальности нуждается в пересмотре. В классической социологической и художественной традиции маргинал – это субъект, вытесненный на окраину социальной структуры. В постгуманистическом контексте возникает иной тип – **инвертированный маргинал**. Если «радикальный» маргинал находится вне системы и остро переживает своё положение как конфликт, то инвертированный располагается в её центре, оставаясь при этом онтологически и экзистенциально периферийным. Его маргинальность не осознаётся как проблема и не маркируется как отклонение. Иначе говоря, в первом случае система исключает субъекта, во втором – субъект сам отказывается от человеческого измерения, принимая язык, ценности и нормативы системы как единственно возможные. Если радикальный маргинал оказывается избыточным для социального порядка, то инвертированный, напротив, максимально ему соответствует.

Инвертированная маргинальность выступает специфической формой постгуманистической субъектности, при которой периферийность больше не

связана с травмой, протестом или изгнанием, а становится культурной нормой. В этом ракурсе маргинальность утрачивает оппозиционный ресурс и превращается в устойчивый способ существования, характерный для литературы XXI века.

В романе «iPhuck 10» Виктор Пелевин маргинальность персонажей не противопоставлена системе – напротив, она ею порождается. Она перестаёт быть формой сопротивления и становится рабочим режимом культуры: смещается от социальной окраины к пограничности статуса, от открытого конфликта с нормой – к растворению в её внутренней логике.

С точки зрения экзистенциальной интерпретации наибольший интерес представляет Порфирий Петрович – парадоксальным образом именно он, будучи алгоритмической системой, оказывается центральной фигурой такого анализа. Он регулярно рефлексировывает свой онтологический статус, ставя вопросы о границах человечности, авторства и свободы «конечно, в моем отчете о реальности будет отсутствовать, так сказать, внутренняя субъективная составляющая – и любое мое описание чувственного мира в строгом юридическом смысле является... голимым враньем...» [Pelevin, 2024; 137], а также стремится преодолеть рамки заданной ему функции, тем самым воплощая предельный вариант онтологической маргинальности, связанной с изменением самого экзистенциального статуса субъекта в постгуманистической культуре. Его «пограничность» обусловлена не социальной исключённостью, а неопределённостью бытийного статуса: он существует в промежутке между субъектом и инструментом, не совпадая полностью ни с одной из этих позиций.

Будучи лишённым тела, смертности и свободы выбора, он не располагает теми основаниями, которые в классической экзистенциальной философии определяют человеческое существование. Однако Порфирий обладает развитой рефлексией и языковой способностью, что позволяет ему ставить вопросы о собственном бытии и фиксировать внутреннюю неполноту. Возникает парадокс: экзистенциальный поиск осуществляется тем, кто в строгом философском смысле не наделён экзистенцией, – субъектом, чьё существование структурировано алгоритмом, но стремится выйти за его пределы «Что делать человеку в этом суровом и беспощадном мире, на берег которого он выброшен судьбой?» [Pelevin, 2024; 291]. Маргинальность Порфирия проявляется в экзистенциальной плоскости как принципиально отрицательный феномен. Его способность к рефлексии не ведёт к свободному выбору или преодолению ограничений, а лишь фиксирует невозможность выхода за установленные рамки. В этом контексте экзистенция предстает как форма отсутствия – категория, которая постоянно обозначается и осознаётся, но остаётся недостижимой для субъекта. Именно эта невозможность делает Порфирия фигурой радикального онтологического маргинала и одновременно центральным носителем экзистенциальной проблематики романа.

Таким образом, взаимосвязь между маргинальностью и экзистенциальным поиском очевидна, так как экзистенциальный поиск – это маргинальность, переведённая в язык смысла. Маргинал – единственный, кто может задавать

экзистенциальные вопросы, поэтому именно он становится носителем смысла в тексте. Отсюда, на наш взгляд, можно заключить, что «новый» герой в русской литературе – это человек, оказавшийся в сложной ситуации выбора, он не победитель, не пророк, не избранный, а обычный, уязвимый, ничем не примечательный обыватель. Его маргинализация становится нормой, а не исключением, ведь раньше маргинал был фигурой края, а теперь этот край становится центром, где экзистенциальные вопросы спускается с метафизических высот в кухню, подъезд, маршрутку, музей. «Новый герой» идентификационно размыт [Rodina, 2015], эмоционально одинок, а его маргинальность становится универсальным состоянием «я как бы поднимаюсь над повседневной реальностью, прорываюсь через тугие ее слои – и даю с высоты обширную и выразительную ее панораму» [Pelevin, 2024; 110], а не социальной аномалией. Он требует свободу без инструкций, лишает смерть сакрализации, ищет смысл не потому, что хочет его найти, а потому что без этого поиска жизнь становится невыносимой.

ВЫВОДЫ

Современная русская литература активно исследует постгуманистическую проблематику, отражая кризис традиционного героя и трансформацию представлений о человеческом «я». В произведениях начала XXI века наблюдается отказ от психологически цельного персонажа и растущий интерес к фигурам с размытым или нестабильным субъектным статусом. Герой оказывается зависимым от языковых, технологических и культурных механизмов, а иногда полностью заменяется нечеловеческим агентом – алгоритмом, системой или медиаконструкцией.

Маргинальность требует переосмысления, поскольку в постгуманистическом контексте на смену традиционному маргиналу, исключённому системой и переживающему своё положение как конфликт, приходит инвертированный маргинал – субъект, формально находящийся в центре социальной структуры, но экзистенциально и онтологически периферийный. Его маргинальность носит скрытый и нормативный характер и не осознаётся как проблема, поскольку исключение осуществляется не системой, а самим субъектом, принимающим её язык и ценности как единственно возможные. В результате маргинальность утрачивает оппозиционный потенциал и превращается в устойчивый режим постгуманистической субъектности, характерный для литературы XXI века.

LITERATURA

1. Baevsky, V.S. (2012). Ekzistentsializm. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya «Istoriya i Filologiya»*, 4, 153–158.
2. Berdyaev, N.A. (1989). *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. Moskva: Pravda.
3. Galimullina, Z.Kh. (1995). Marginaly: ponyatie i empiricheskaya realnost. *Avtoref. diss. kand. sots. nauk*. Kazan': Kazanskiy gosudarstvennyy universitet im. V.I. Lenina.
4. Garipova, G.T. (2021). Printsipy miromodelirovaniya v russkoy proze XX veka (neklassicheskaya paradigma khudozhestvennosti). *Avtoref. diss. dok. filol. nauk*. Vladimir: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo.

5. Golikov, K.S. (2020). Ekzistentsialnaya istina: O lichnom bez granits. *Vestnik Mininskogo Universiteta*, 8(4), 1–13.
6. Grednovskaya, Ye.V., & Penner, R.V. (2015). Problema podlinnosti sushchestvovaniya cheloveka v diskursakh ekzistentsializma i postmodernizma. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Sotsialno-Gumanitarnye Nauki*, 15(3), 56–60.
7. K'erkogor, S. (1993). *Strakh i trepet*. Moskva: Prosveshchenie.
8. Kamilova, S.E. (2016). Razvitie poetiki zhanra rasskaza v russkoy i uzbekskoy literature kontsa XX – nachala XXI veka. *Avto-ref. diss. dok. filol. nauk*. Tashkent: Tashkentskiy gosudarstvennyy institut vostokovedeniya.
9. Kamyu, A. (1990). *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* (Per. s fr.). Moskva: Politizdat.
10. Kibalnik, S.A. (2005). Ekzistentsializm v russkoy literature i mysli. *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 19, 131–139.
11. Kvyatkovskiy, G.Yu. (2017). Transformatsiya ekzistentsializma v russkoy (sovetskoy i postsovetskoy) literature. *Sotsium i Vlast*, 6(68), 114–119.
12. Matenova, Yu., & Nosyrova, M. (2021). Odinochestvo kak osnova ekzistentsialnoy filosofii. *Internet-prostranstvo kak vyzov nauchnomu soobshchestvu XXI veka*, 1, 85–89.
13. Mey, R. (2001). Istoki ekzistentsialnogo napravleniya v psikhologii i ego znachenie. V kn.: *Ekzistentsialnaya psikhologiya. Ekzistentsiya* (M.Zanadvorov & Yu.Ovchinnikova, Transl., s. 113). Moskva: EKSMO-Press.
14. Meypin, Ya. (2020). Etika i gumanizm iskusstvennogo intellekta (na materiale romana V.Pelevina “iPhuck 10”). *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 13(7), 58–63.
15. Osipova, A.V. (2023). Kontinuum simulyakrov v romane V.Pelevina «Nepobedimoe solntse». V sb.: *XIX Vinogradovskiye chteniya* (s. 114–116). Yekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet.
16. Osipova, A.V. (2025). Emodzi kak samoreprezentatsiya geroya v romane V.Pelevina «Nepobedimoe solntse». *Tashkentskiy Literaturovedcheskiy Forum – 2024*, 1(3), 125–138.
17. Pavlov, A.S. (2021). Odinochestvuyushchiy um, ili opyt ekzistentsialnoy filosofii soznaniya. *Filosofskiy zhurnal*, 14(3), 184–192.
18. Pelevin, V. (2022). *iPhuck 10*. Moskva: AST.
19. Petrukhina, N.M. (2018). Tvorchestvo F.M. Dostoyevskogo v kontekste mirovoy literatury XX veka. *Avto-ref. diss. dok. filol. nauk*. Tashkent: Tashkentskiy gosudarstvennyy institut vostokovedeniya.
20. Razinov, Yu.A. (2020). Sostoyanie postmarginalnosti. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kultury*, 1(38), 6–21.
21. Rodina, I.V. (2015). Spetsifika obraznoy sistemy v romane Olesi Nikolaevoy «Invalid detstva». *Natsionalnaya Assotsiatsiya Uchenykh*, 3-4(8), 70–71.
22. Rodina, I.V. (2021). Praktika kontseptual'nogo analiza pri izuchenii sovremennoy russkoy literatury. V sb.: *Russkiy yazyk za rubezhom: innovatsionnye podkhody i effektivnye praktiki otkrytogo obrazovaniya* (s. 306–310). Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta.
23. Sartr, Zh.-P. (1990). Ekzistentsializm – eto gumanizm. V kn.: A.A. Yakovlev (Sost. & Red.), *Sumerki bogov* (ss. 319–344). Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
24. Silenin, I.A. (2017). Ekzistentsializm: Bytie mezhdzhu zhiznyu i smertyu. *Manuskript*, 3-1(77), 138–142.
25. Vorobyova, Ye.S. (2014). Marginal v russkoy literature kontsa XX – nachala XXI veka. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federalnogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki*, 5, 91–98.
26. Yaroshevskaya, A.V. (2018). Istoki ekzistentsialnoy estetiki v russkoy literature XIX veka: Predshestvenniki F.M. Dostoevskogo v ekzistentsializme. *Filosofsko-kulturologicheskie issledovaniya*, 4.
27. Yuldasheva, N.T. (2025). Spetsificheskiye priznaki zhanra romana v khudozhestvennykh proizvedeniyakh russkoy literatury. *Tashkentskiy literaturovedcheskiy forum – 2024*, 1(3),

45–51.

28. Zamanskaya, V.V. (2001). Ekzistentsialnyy tip khudozhestvennogo soznaniya v XX veke. *Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturnyy protsess)*, 1, 144–160.
29. Zamanskaya, V.V. (2002). *Ekzistentsialnaya traditsiya v russkoy literature XX veka: dialogi na granitsakh stoletiy*. Moskva: Nauka.
30. Shestov, L.I. (1997). Preodolenie samoochevidnostey (K stoletiyu rozhdeniya F.M. Dostoevskogo). V kn.: N.Ashimbayeva (Sost.), *Vlastitel dum. F.M. Dostoevskiy v russkoy kritike kontsa XIX–nachala XX veka* (ss. 461–537). Sankt-Peterburg: Khudozhestvennaya literatura.

REFERENCES

1. Baevsky, V.S. (2012). Existentialism. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 4, 153–158.
2. Berdyaev, N.A. (1989). *Philosophy of freedom: The meaning of creativity*. Moscow: Truth.
3. Camus, A. (1990). *The rebel: Philosophy, politics, art* (Russian transl. from French). Moscow: State Publishing.
4. Galimullina, Z.Kh. (1995). Marginals: Concept and empirical reality. *Abs. cand. scien. diss. sociol.* Kazan: Kazan State University named after V.I. Lenin.
5. Garipova, G.T. (2021). Principles of world-modeling in twentieth-century Russian prose (non-classical paradigm of artisticity). *Abs. doc. diss. philol. scien.* Vladimir: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.
6. Golikov, K.S. (2020). Existential truth: On the personal without boundaries. *Bulletin of Minin University*, 8(4), 1–13.
7. Grednovskaya, Y.V., & Penner, R.V. (2015). The problem of authenticity of human existence in the discourses of existentialism and postmodernism. *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 15(3), 56–60.
8. Kamilova, S.E. (2016). Development of the poetics of the short story genre in Russian and Uzbek literature of the late twentieth and early twenty-first centuries. *Abs. DSc thes. philol.* Tashkent: Tashkent State Institute of Oriental Studies.
9. Kibalnik, S.A. (2005). Existentialism in Russian literature and thought. *Literary Studies Journal*, 19, 131–139.
10. Kierkegaard, S. (1993). *Fear and trembling*. Moscow: Enlightenment Publishing House.
11. Kvyatkovsky, G.Y. (2017). Transformation of existentialism in Russian (Soviet and post-Soviet) literature. *Society and Power*, 6(68), 114–119.
12. Matenova, Yu., & Nosyrova, M. (2021). Loneliness as the foundation of existential philosophy. *Internet Space as a Challenge to the Scientific Community of the 21st Century*, 1, 85–89.
13. May, R. (2001). Origins of the existential direction in psychology and its significance. In *Existential Psychology. Existence* (Transl. from English by M.Zanadvorova & Y.Ovchinnikova, p. 113). Moscow: EKSMO-Press.
14. Meiping, Y. (2020). Ethics and humanism of artificial intelligence (based on V.Pelevin's novel *iPhuck 10*). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 13(7), 58–63.
15. Osipova, A.V. (2023). Continuum of simulacra in V.Pelevin's novel *Invincible Sun*. In *Proceedings of the 19th Vinogradov Readings* (pp. 114–116). Yekaterinburg: Ural State University of Economics.
16. Osipova, A.V. (2025). Emoji as self-representation of the hero in V.Pelevin's novel *Invincible Sun*. *Tashkent Literary Studies Forum*, 1(3), 125–138.
17. Pavlov, A.S. (2021). The lonely mind, or an experience of existential philosophy of consciousness. *Philosophical Journal*, 14(3), 184–192.
18. Pelevin, V. (2022). *iPhuck 10*. Moscow: AST.
19. Petrukhina, N.M. (2018). The works of F.M. Dostoevsky in the context of twentieth-century world literature. *Abs. DSc thes. philol.* Tashkent: Tashkent State Institute of Oriental Studies.

20. Razinov, Y.A. (2020). The state of post-marginality. *International Journal of Cultural Research*, 1(38), 6–21.
21. Rodina, I.V. (2015). Specificity of the imagery system in Olesya Nikolaeva's novel *Disabled Since Childhood*. *National Association of Scientists*, 3-4(8), 70–71.
22. Rodina, I.V. (2021). Practice of conceptual analysis in the study of modern Russian literature. In *Russian Language Abroad: Innovative Approaches and Effective Practices of Open Education* (pp. 306–310). Saransk: Publishing House of Mordovia University.
23. Sartre, J.-P. (1990). Existentialism is a humanism. In A.A. Yakovlev (Comp. & Ed.), *Twilight of the Gods* (pp. 319–344). Moscow: Publishing House of Political Literature.
24. Shestov, L.I. (1997). Overcoming self-evidences (On the centenary of the birth of F.M. Dostoevsky). In A.Ashimbaeva (Comp.), *Ruler of Minds: F.M. Dostoevsky in Russian Criticism of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries* (pp. 461–537). Saint Petersburg: Artistic Literature Publishing House.
25. Silenin, I.A. (2017). Existentialism: Being between life and death. *Manuscript*, 3-1(77), 138–142.
26. Vorobyova, Y.S. (2014). Marginal in Russian literature of the late 20th and early 21st centuries. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 5, 91–98.
27. Yaroshevskaya, A.V. (2018). Origins of existential aesthetics in nineteenth-century Russian literature: Precursors of F. M. Dostoevsky in existentialism. *Philosophical and Cultural Studies*, 4.
28. Yuldasheva, N.T. (2025). Specific features of the novel genre in literary works of Russian literature. *Tashkent Literary Studies Forum*, 1(3), 45–51.
29. Zamanskaya, V.V. (2001). Existential type of artistic consciousness in the twentieth century. *Literary Studies in the Twentieth Century: History, Methodology, Literary Process*, 1, 144–160.
30. Zamanskaya, V.V. (2002). *The existential tradition in twentieth-century Russian literature: Dialogues at the boundaries of centuries*. Moscow: Science.